

Игорь МИХАЙЛОВ

КАРУСЕЛЬ ЖИЗНИ

Река наполняла пространство неторопливым рокотом. Мерное течение только на первый взгляд казалось однотонным; звучание было не единым: хруст ветки, падение камня или клёкот щегла — все эти не речные звуки поглощала вода в своём доминирующем фоне. Он включал в себя разнообразие звуков торопящейся реки. Это всплески о камни, движение самих камней под водой — их перестукивание, неожиданное изменение тембра от плывущего корня или ствола, которые меняли голос реки. Но такие тонкие звуковые перемены можно было заметить в непосредственной близости от воды, где даже полоскание зябликов на отмели имело своё звучание и свою непосредственную новизну. Все попытки создать оттенки звуков русло отбраковывало: всё, что мешало движению и шло наперекор установленному аккорду, отвергалось. Стержень звуков был непоколебим и стоек, словно состоял из одной музыкальной фразы.

На изгибе хорошо видны оба берега. Между ними на просторе речной дороги сострекаются звуки и зрение. Какое из этих чувств будет задействовано первым, от того будет происходить отсчёт времени к действию: бежать или ждать.

Однотонно, привычно, неторопливо шептались воды с берегами, соглашаясь между собой во всём. Береговые камни держали полосы льда, сохраняя ватерлинию быстрого потока. К подмытым корням жались наносные торосы. На отмелях старый снег дубел — жесткий ледяной наст группировался пятнами около воды; оттаивая днем и замерзая по ночам, он становился прозрачным. Река нужна многим. Все живое крутится рядом, а если уходит, то снова возвращается к воде.

Запах — это другое. По нему можно узнать многое, а главное — предупредить опасность. Запах творит будущее и даже предсказывает судьбу, но только для того, чтобы обойти опасность или обмануть цель — будь то враг или добыча. Именно запах вызывает ни с чем несравнимую эмоцию. Она толкает к действию. Она выше всех предсказаний и уловок.

Леопард, пройдя десятки километров, был поджар от голода и теперь, облюбовав излучину, притаился. Он наблюдал из-за прутьев голого кустарника, словно из клетки. Оставалось надеяться на удачу или слабость самой добычи. Только оляпки копошились у воды, но вскоре, заметив хищника, полетели по течению, припадая, как на хромых крыльях.

Зима отступила, но царство голода продолжало жить среди серого, оседающего, пористого весеннего снега. Только крики ворона, некстати любопытного, противно втыкались занозами. Он словно выдавал тайну леопарда и предупреждал других о том, что лес не так миролюбив, как кажется. Покричав и поволновавшись вволю, ворон спорхнул и взлетел ещё выше, на высокий кедр, словно предостерегался от пристального косячьего взгляда.

Одно из занятий зверя — созерцание. Оно ничего не имеет общего с праздным времяпрепровождением. Видеть, чтобы первым среагировать и победить. А если ничего не происходит — это вершина блаженства и звериного благополучия. Быть сытым и спокойным — главное событие бытия. Так устроен лес, кто чувствует острее, тому приходится выбирать: сильный выбирает слабого — и тогда есть добыча, слабый отходит от сильного — остаётся при своих.

Леопард остро почувствовал чужака. Тонкий запах, разбавленный сыростью реки, словно полоснул когтем глубоко и доходчиво. Сильный с томной ленцой, медлитель-

ный с пренебрежительной надменностью, в то же время тихий и незаметный, но очень сильный зверь вышел к реке. Тигр лакал воду. Насытившись питьём и глубоко втянув воздух, хозяин рыкнул, предупреждая о своей значимости; освобождая пространство от ненужной встречи, словно боялся пролить лишнюю кровь.

Леопард не выдавал себя, но воспринял голос с чужой территории как предупреждение. Они смотрели в сторону друг друга. Один из укрытия своей клетки-кустарника видел всё; другой не таясь, негодуя, призывал к ответу скрытного соперника. Река была ареалом обитания тигра. Здесь он решал, кому лакомиться водой, а кто должен умереть.

Леопард оставил лежку. Следуя по кустам, он прокрался, не задевая растений и не выдавая себя движением. Он уходил прочь всё дальше от реки. Её течение уже едва угадывалось. А жизнь леса прослеживалась по новым звукам и следам. Главный беспорядок у кедра наводили белки. Крошево из шишек сыпалось на землю, где его перепириали птицы.

Открытые южные стороны холмов освободились от снега. Но пятнистые олени малыми группами облюбовали низины и там обгладывали кору. Неглубокий снег был слабым препятствием для добычи мха. Красавчик олень с ветвистыми рогами был на страже. Казалось, что корм его совсем не интересует. Он небрежно стучал копытом, разрушая снег, и, забывая наклониться, отходил дальше. Вокруг паслись сородичи. Уже они ворошили податливый наст.

Непонятно, как олень мог учуять хищника? Леопарда было не видно, не слышно, казалось, он прикинулся листком, деревом, облаком или же замороженной прошлогодней брусникой. Но среди этого многообразия образов и дуновений олень мог вычислить хищника, хотя тот находился на другом склоне за изгибом. И его невозможно было не только увидеть, но даже услышать, он притаился и сделался недвижим. Возможно, воздушный вихрь, прозрачный, невесомый, юркий и непредсказуемый, поиграл шерстью кошки, зацепил звериный запах и понёс его дальше. Из множества звуков: шуршаний, писков, чавканья, топанья; из множества запахов: гнили, дерна, помета, коры — олень-красавчик выделил признак опасности и тут же присвистнул «по-хулигански» и дёрнулся, как укушенный, как больной, напугал всех и рванулся сам, как спаситель. Малочисленные сородичи, не задумываясь в тонкостях выбора, подчинились вожаку, рванулись одновременно. Они скакали напролом, снося кусты, разгоняя птиц, разбрызгивая грязь, стирая копыта, цепляясь за последнюю надежду и налегая на собственный инстинкт. Он сработал.

После длительной слежки леопард потянулся, встряхнул задними лапами и не торопясь, даже не интересуясь событиями за гребнем, пошёл по южному склону, где зримо господствовала весна. Снег сполз в долину, а наверху среди сухой прошлогодней травы вылезли белые звёздочки. Их было так много, что леопард поворачивал голову то к цветам, то к долинному снегу, будто сравнивая картины, пытался найти различия в цвете или просто удивлялся новому состоянию природы. Нелепый шмель-одиночка, с тонкими нераскрытыми крыльями в виде двух полосок, дрожал на цветке, едва удерживаясь, словно испытывая стебель на прочность. Казалось, что насекомое пытается научиться ползать, но нашло для занятий не очень подходящий предмет. В конце концов, шмель свалился, но выбрал для эксперимента другой цветок и начал борьбу с ним.

Олени ушли вниз по северной снежной долине. Леопард направился туда же. Снег похрустывал, ломалась ослабленная корочка, и такая хрупкость мешала охотиться. Шаги слышались чуткие оленьи уши, от хруста вздрагивали косули, даже кабан в распадке с такой стремительностью и прямолинейностью улепётывал, что бессмысленно было гнаться за ним.

Леопард странствовал, исследуя холмы. Отлеживался на скалах, чутко воспринимая действительность. Зимняя утомлённость зверей должна была выявлять слабых.

Зимой барсука никто не беспокоил, он провел зимние месяцы в спячке. Прежде чем вылезти из норы, он внюхивался почти вечно, привыкая к забытому миру. Интуиция его не подводила, и он ловко выискивал бесхозные шишки и даже полакомился фундуком в одном из орешников. Удачно покопался в старой листве у ручья и нашёл там несколько неподвижных тритонов, после чего совершенно удовлетворённый направился в сторону своего холма, пронизанного норами, то и дело обнюхивая корни, надеясь услышать мышиную возню. Где-то он начал копать, но тщетно. Наделал в азарте много шума и потрусил воссояси.

Леопард слился с холмом и заторможенной тенью начал двигаться к добыче. К ней был устремлен его взгляд. Он медленно поднял лапу, замер, словно забыл о начатом шаге, неожиданно подался вперёд и бесшумно поставил лапу, став тенью куста. Припал к земле, задние лапы подкрались к передним. Леопард сжался, переступая на месте, и, наконец, рванулся вперёд, вытягиваясь в новое измерение. Что-то ухнуло, рыкнуло, сдавленно пискнуло с хрипотцой, и всё затихло. Леопард зажал добычу в па-

сти и легко побежал в сторону холма. Там на камнях он положил ношу и строго обвел взглядом свою территорию, словно заранее намечая следующий маршрут.

В таёжных смешанных лесах самыми заметными были олени семьи. Они оставляли множество следов и разносили глубоко вокруг себя ни с чем несравнимый запах живой плоти. Подобраться к ним было сложнее, чем к одиночной добыче, но когда появлялся молодняк, олени становились легко уязвимыми. Любой повод заставлял оленей пускаться вскачь, а леопард не мог сравниться с ними по длительности и выносливости бега. Оставалось одно, подкрадываться к их неутомимому племени, чтобы рывком захватить и повергнуть зеваку. В такой схватке у леопарда не было равных.

Сейчас он мог позволить себе расслабиться, после удачного трофея можно оставаться на месте и быть снисходительным, прогуливаясь поодаль. Вездесущие вороны первыми начали теревить бесхозную плотную шкурку и растаскивать мясные крошки. Птицы переругивались между собой: волнение и суета были спутниками их воровства — они неаккуратно растаскивали еду. Именно птичий галдеж при дележке привлекал внимание серого лесного кота. Он осмотрительно спустился со скалы, забрался под каменную нишу и обследовал внутренности холма, заблаговременно заботясь об отступлении. Только после этого приблизился к воронам. Уши кота были незаметными, похожими на полукруглые арки и от этого казались вечно прижатыми, подчёркивали его решительность. С его явлением не соглашались птицы. Они неистово каркали и неохотно боком отступали. Им пришлось оставить неподъемный кусок, и они принялись трепать мелочь. Теперь стала понятна та неаккуратность, с которой они растаскивали тушку. Кот обстоятельно обследовал кусок, игнорируя очередное воронье недовольство, принялся грызть доставшийся трофей. Здесь все-таки он был птицеловом, и вороны держались на почтительном расстоянии.

Леопард заскочил на толстую ветвь дуба и наверху предался созерцательной дрёме. Он лежал на ветке со свисающим хвостом, прикрыв глаза, но ушки сами по себе подёргивались и двигались, словно ощупывали пространство. Зимородок приземлился на соседнюю ветку и стал нервно двигать головой. Нельзя сказать, что леопарда это расстроило, но через прищур век он следил за птахой и, возможно, по этой причине казался хитрым. Он не удостоил птицу даже движением, потому что было лень отвлекаться. Он был сосредоточен на внутреннем состоянии собственного тела и не ощущал его, даже представляя отдельные части; оно было невесомо и неразделимо. Иногда трудно понять собственное тело и его позывы, не всегда разум приводит к действию, скорее наоборот. Правильное действие подпитывает разум, и он в свою очередь нашёптывает похвалы совершенству спутника. Каждый элемент в теле выполняет свои функции соразмерно с задачей, но стоит только подумать о чём-то, и это что-то сразу возбуждает к себе внимание. Его нужно почесать, полизать или потереть, чтобы оно получило знак внимания. Стоит подумать о хвосте, так тот сразу начинает болтаться. Хотя от хвоста многое зависит. Даже сейчас, когда он не нужен, он служит балансиром. Кончик хвоста слегка приподнялся и согнулся в полукруг, словно он реализовал мысль и зримо соглашался с критикой. Так хвост проявил себя и приказал: «Пора!» — взвился вверх и толкнул леопарда с дерева. Тот едва подставил лапы, как это умел делать: бесшумно и прочно. Хвост при этом остался невесом и даже не коснулся земли, предпочитая оставаться на высоте, даже плетясь в хвосте.

Прошли дни бездействия. Снова тайга расправляла широкие недра, чтобы там в своих внутренностях сделать очередную проверку на выживание. Леопард шёл в темноте решительно и смело, потому что признаков добычи не чувствовал и поэтому не беспокоился потерять её. Ночные звуки куда-то пропали, словно дождались прихода хозяина и не желали докучать его пришествию. Но стоило ему остановиться, замереть, оглядеться, сделать паузу, как лес начинал подавать сигналы, и даже схлопывание крыльев филина подтверждало идею тайного наблюдателя за всем и всеми. Кто-то замечает хищника раньше и затихает, кто-то с запозданием и поэтому стремительно удирает. Хотя у филина другой ярус жизни, и его пути не пересекаются с тропами зверя, но птица не может продолжать быть там, где есть отвлекающий источник. Леопард шёл, создавая вокруг себя волну возбуждения, а это было неприемлемо для правильной охоты, но вполне допустимо, чтобы преодолевать расстояния. Ночной марафон был необходимым условием существования леопарда. Ночью было легче добиться результата, а потому сделать вылазку успешней. Идти по своему маршруту было привычно. Вроде всё по-прежнему, но вот закрадываются вдруг сомнения, и что-то другое новое начинает возникать раздражающим томлением. Словно идет предупреждение о начале другого этапа борьбы, пока неопределенной и скрытной.

Леопард распознал признаки пятнистого оленя. Стадо было где-то далеко и шло навстречу ветру, оставляя за собой веер запахов: пока тонких и едва уловимых, но все-таки реально существующих, где низинные туманы разбавили все индивидуальные звериные признаки. Леопард ускорил бег. Запах начал слабеть и совсем раста-

ял. Хищник взял левее и снова пересекался с призраком оленя, словно тот был живым и сам путался в тропах и кулуарах из кустарника. Лес был оставлен, и хилый подросток стоял частоколом на страже долины. Где-то на ее просторах стадо залегло на днёвку, созерцая и обоняя километры расстояний. Зима — трудный отрезок жизни для всех. На выживание влияет не только собственная выносливость, но и обстоятельства. Снежный покров глубок, ноги тонут в снегу: олени не так быстры. К зиме стадо укрупнилось. К чисто мужской компании, которая сформировалась осенью после гона, примкнули самки. Скопом легче выжить, быстрее выявить опасность. Зиму стадо паслось у моря, вылизывая солёные камни, подбирая выносимые морем водоросли, забиваясь в лощины во время ветра. От вездесущих тигров спасались водой, переплывая с мыса на мыс. Иногда волки вырывали из семьи последнего прямо на бегу. Остальные ориентировались в темноте по «зеркалу» впереди бегущего. Так было легче. Белое пятно вокруг хвоста выводило к спасению. Держались друг за друга. В темноте глаза оленей светились оранжевым светом. После такой гонки несколько дней стадо продолжало спокойно мигрировать то по долинам, то по берегам. Снег и ветер запутывали следы, становясь защитниками.

Весна изменяла условия. Снег исчезал. Олени направились кормиться глубже в тайгу. Опавшие орехи, жёлуди, листва стали доступнее. Кое-где начала вылезать нежная верба. Солнечные южные склоны были почти раем, там кусты оживали раньше, чем в других местах. То же можно было сказать и про долины. Они целый день грелись под солнцем. Учуять врага здесь было проще.

Из-за скудности рациона олени паслись днем, неторопливо переходя от куста к кусту, обгладывая кору и выбирая мягкими губами почки. Долина располагалась между гребнями холмов, и естественный путь среди ключей — очень маленьких речек-ручьев — был очерчен самим ландшафтом. Так они странствовали, привычно проводя каждый день в поисках еды, жуя, вбирая носом воздух, словно хотели захватить все имеющиеся ароматы, и, двигая ушами, реагировали на каждое дыхание леса, будь то дуновения ветра или шорохи лемминга. Воздух в долине разносил признаки распутившейся где-то на склоне желтой вербы. Её пыльца сдувалась с нежного комка из-под липкой оболочки и невидимой пылью опускалась к ключам, радуя первыми ароматами цветения. Она манила вдаль, где весна трогала первые прутки, веточки, кусты. Среди них сквозное пространство начало чем-то заполняться. Даже незначительное набухание почек суживало пустоты, вдыхая в растения новую жизнь. Олени шли туда, где было сытнее, словно понимали, как еда влияет на восстановление сил.

Уже несколько дней олени паслись в одном месте и насытили своим присутствием воздух долины. Нужно было продолжать кочевую жизнь, идти дальше в следующую долину. Восточный склон делал зигзаги, подставляя свои бока солнцу. Там было открыто много хороших мест для пастбища. Воздух удачно доносил только лесные безопасные запахи, что придавало жизни размеренный, степенный ритм, превращая бытность в прогулку.

Леопард шёл по гребню: голые кусты, искривленные стволы деревьев, вероятно от досаждающих ветров, и всюду камни, вросшие в грунт — были спутниками неторопливого шествия. Леопард прыгнул на плоский валун, привычно потянул воздух. Где-то очень далеко на другом склоне паслись олени. Зоркие глаза хищника сумели распознать их среди пятен прошлогодней травы. Леопард прошёлся по камню, сделав круг за своим хвостом, опять подчиняясь его воле, и лёг. Камень успел получить скудное тепло от солнца и был сухим. Носом хищник уткнулся в собственные лапы и задремал. Он был неподвижен долго и сосредоточенно. Устраиваясь поудобнее, он накрыл лапой свой нос и уже навечно остался в такой позиции, словно не желал раздражаться запахами вокруг.

Умиротворение владело им с такой чувственной энергией, что он словно зримо ощущал течение и ход собственной крови. Она несла силу к каждой лапе, на ней каждый коготь наполнялся энергией, какой-то разнужданной свободой, словно он был великаном всего тела и вел его за собой, а не наоборот. Это было высшим достижением инстинкта, где разумность снисходительно подтверждала прошедшее событие и не могла опровергнуть его целесообразность. Она словно любовалась совершенством того тела, которому служила. И сетовала на свою вторичность и даже сонливость участия. Хвалила саму себя за реальную высоту, на которую была воздвигнута ниша бытия дикого зверя.

Уже в сумерках леопард потянулся и побрёл дальше. Грандиозное пространство, которое днём было открыто и необъятно, теперь сузилось величиной до ближайших препятствий. Леопард смело шагнул в глубину будущей ночи, уверенно предвосхищая охотничий путь. Такие же зоркие глаза оленей с противоположной стороны смогут в темноте предупредить опасность, но им многое будет мешать. Не таясь, хищник преодолевал расстояния, пока не уткнулся в запах оленей. Теперь они превратились в до-

бычу. Леопард остановился, определяя нужное направление, и дальше начал продвигаться крадучись, словно играл в азартную игру. Он прошёл сквозь кусты, не задевая веток, он замер среди камней, становясь одним из них, он нашёл лазейку под упавшим деревом и так долго тайлся под ним, что сам почувствовал себя в скрытном логове неуязвимым, и даже по-хитрому, не злобно наблюдал за лесом. Наконец, он подкрался настолько близко, что голова раскалывалась от духа близкой добычи. Хищник напрягся, словно собрался в один комок, и рванулся вперёд, не скрываясь. Лес наполнился переполохом. Всё летело, хрустело, топало, ломалось, и невозможно было понять, откуда катится смерть, только страх гнал наудачу, мурашками обжигая загривок.

Как и полагается внимательному следопыту, леопард добился успеха. Он затащил оленя на скалы и там царствовал до рассвета. «Царь горы» был доброжелателен, он склонился над своей добычей и на всякий случай издал рык. Вездесущие вороны встрепнулись на ветках и забеспокоились, взъерошивая перья. Этим они будто выказывали обиду и несогласие с отказом от гостеприимства. Но к ним это предупреждение не относилось. Где-то на другой стороне холма, ещё никем не видимый, но уже учуянный охотником, к месту пиршества подкрадывался сородич. Он шёл так медленно и так осторожно, словно внутри этого незнакомца включился механизм торможения. Незнакомец откликнулся, тоже рыкнул, ещё невидимый, но уже заявляющий право на территорию. Голос его был высок и чётко, как глас трубы, как требование повелевать и быть избранным и, наконец, как клич возмездия.

Они смотрели друг на друга. Охотник со скалы и претендент на добычу у подножия холма. Пристальная дуэль взглядов решала спор. Противники оценивали друг друга. Незнакомец был крупнее. Он не выдержал первым и рыкнул ещё раз, сделав шаг вперёд. Леопард на скале отстранился от добычи, попятился и оставил место пиршества. Он уступил.

Другой завладел добычей. Он был настойчивее, грознее, а главное, сильнее. Его присутствие ощущалось давно, и потому сородич обходил стороной чужие тропы. Но вот их пути пересеклись, и теперь нужно было сделать правильный шаг. Выбор, который продолжает жизнь, а не разрушает её тонкие начала. Казалось, что они срослись и незримо ходят в одной связке, но вдруг оказалось, что их родство эфемерно, а союз недопустим.

Он давно сросся с этой землей, знает её медовые травы, вересковые заросли, шорохи ключей в засуху, их торопливость в пору дождей, их сладкий вкус после свежего мяса, склоны, в цветущей мальве с бутонами, в которых пропадает шмель. Он тоже одиночка-труженик, скитается по цветоносам, сосёт их соки, делает тайный медовый схрон, в котором чахнет зимой, но несколько капель сладковатого нектара поддерживают жизнь. Они не мешают друг другу. Их родство со шмелем-скитальцем даже ближе, чем с сородичем.

Опять другая дорога открыла новое пространство, где всё известно, и в то же время обстоятельства творят историю пути. Скалы, камни, соперники, участок обитания — всё это складывается в карусель жизни бродяги. Гудение, стрекотание, жужжание наполняет слух. Весной тайга пополняется новыми обитателями. У оленей и косуль появляются детеныши. Они слишком беззащитны и первые несколько дней лежат в потаённом месте или высокой траве. Они не имеют запаха и только благодаря скрытности могут сохраниться. Чтобы не привлекать внимания к потомству, мать пасётся далеко от них и только для кормёжки подходит к телёнку и подставляет свое вымя. Через несколько дней телёнок должен бегать как взрослые косули.

На ключе появились утки-мандаринки. Проведя зиму вдаль, где тепло, пёстрые самцы затеяли битву, полную переполоха, брызг и галдежа. Поодаль стоит ничем не привлекательная серая кряква. Когда один из соперников изгнан, победитель хватается за загривок ничем не провинившейся утки и щиплет её, видимо, он так подтверждает своё главенство. После взбучки, уточка только отряхивается и спокойно плавает рядом. Снова в новоиспеченной семье возникает идиллия. Они вместе занимаются поиском корма на дне.

Где-то в глубине холма над валуном харза устроила нору. Там появились трое слепых харзят. Торопливой и заботливой матери некогда сидеть на месте, она бежит из норы на волю и обратно, и даже желтоватая шкурка куницы помогает быть незаметной среди пестрых таежных растений.

Как только мать врывается в свою нору, харзята начинают копошиться и пищать, куница трогает их лапами, словно пересчитывает. Малыши суют мордочки в тёплый низ живота матери и замолкают. Так продолжается больше месяца, малыши крепнут. И совершенно не понимая действительности, они вылезли наружу. Один неожиданно скатился по валуну и оказался вдаль от норы. Братья попискивают с высоты. Малышу не забраться обратно. Он неловко делает первые шаги вне дома. Идет по основанию

неприступного холма. Путаётся в траве, валится по скату, цепляясь лапами за грунт. Так быстро потерять дом мог только смельчак или совершенный раззява. Ключ шелестит водой. Опять неловкий шаг, и малыш погружается в воду, но продолжает двигаться и даже преодолевает глубину, едва высунув нос. Несколько куньих шагов сложились в целую вечность. Мокрый и жалкий, он продолжает двигаться все дальше от дома, пищит о помощи, но, на радость судьбе, его никто не слышит. Под ногами опять путается вода, но сейчас она сильнее и подхватывает харзёнка. Его несёт помимо воли, барахтанья лапами помогают только держать нос над водой. Его куда-то бросает с высоты — это пороги, тащит по камням, слепит глаза, но он упорно держит нос вверх, словно понимает его назначение. Цепляется за ветки в заводи и по стволу топляка выбирается на берег и дрожит, пищит, осматривается, словно ещё помнит о доме, будто нора должна сама явиться на зов. У реки холодно. Она пугает своей неустойчивостью. Он пробирается в траве, в которой легче заблудиться, чем выбраться, но там хоть нет своенравной реки. Кладка яиц лесной птицы стала на пути. Он принюхивается к ним, осторожно трогает яйцо зубами, оно трескается. Исследование — путь к познанию. Харзёнок вылизывает скорлупу тщательно, с наслаждением и берёт зубами следующее яйцо. Когда с едой покончено, он утыкается мордочкой в травяное гнездо и замирает, засыпает по-настоящему. Прошёл первый самостоятельный день в жизни.

Бродить в траве — запутывать самого себя. На стебле осоки огромный кузнечик едва шевельнулся. Харзёнок зажал его в лапах и надкусил. Осторожно распробовал, оглядываясь по сторонам. Так неожиданно открылось ещё одно лакомство. Река, опасная и коварная, влекла и звуками, и запахами, и питательной водой. Здесь по каменистой отмели невероятное существо с перепончатыми лапами прыгало ловко и быстро. Каждый раз незнакомой добыче удавалось отскакивать, но харзёнок настойчиво юркал следом, промахивался, проскальзывая по мелкой гальке. Он метался, как домашний кот за приманкой на нитке. Все-таки ему удалось поймать лягушку. Он зажал её в пасти, испуганно огляделся и опять юркнул в спасительную траву.

Нередко он возвращался к мелководной речке. Здесь чаще попадались виртуозные прыгуны. Их можно было выловить даже в лужах ключа. Он узнавал их в воде.

Земля приносила новые открытия. У корней-великанов юркали мыши, их выдавал шорох. А со змеей харзёнок расправился, резко и стремительно. Он прижал её лапами, а зубами схватил у основания головы, словно знал её уязвимые места. Это была достойная добыча. Пожалуй, самая крупная с момента самостоятельной жизни.

Её цель вывилась сама собой — беспрестанное движение, куда бы оно ни привело. То, что не пугало, всегда притягивало. Белка грызла орех в густых недрах кедра. Харзёнок начал подбираться к ней, ещё неуверенно лазая по деревьям и явно неловко. Белка искоса посматривала на юного охотника и, не дожидаясь его приближения, перепрыгнула на другое дерево. Харзёнок слез по стволу и снова начал карабкаться туда, где обедала белка. Ей явно не понравилась такая настырность, и она удалилась восвояси. Не каждый был готов стать добычей. Ещё один день остался позади. Скиталец каждый раз находил незатейливые места для ночлега. То это оказывалась куча валежника от высохшей елки, то удачная выемка под камнем, неплохо было в расщеплённом дереве с прогнившей сердцевинкой. Но долго засиживаться на месте не давал голод.

Птенцы подрастали и учились летать. На них харзёнок тренировал навыки птицелова. Птенца-неумеху было видно издалека. Он в полёте натывался на ветки, кричал и, в конце концов, валится в траву. Здесь нужно было расторопно его схватить.

Из несущего детёныша к концу лета харзёнок подрост и приобрёл расцветку куницы. Остроносая мордочка сверху была чёрной, словно шапочка, а нижняя челюсть — белой, будто помогала оставаться скрытной для земноводных при слежке сверху. Ярко-жёлтые шея и грудь словно кричали — мы лучше всех! А золотисто-бурый цвет тела переходил к лапам в тёмно-бурый. Такой же короткошерстный хвост в пасмурную погоду казался совершенно чёрным. Дальневосточная куница вызвала восхищение раскраской.

В одну прекрасную ночь выпало много снега, под утро куница вылезла из своего укрытия и просто обомлела от перемен. Она прыгала в глубоком снегу, кувыркалась в нём, поднимала вокруг себя брызги снега и переворачивалась в воздухе. Хвост куницы летал по поляне, словно радовался отдельно. Он задевал маленькие ёлочки, они встряхивались. Облако снега катилось по веткам. Рябчик сидел на дереве, куница спугнула его, он перелетел на другое дерево, но и оттуда был изгнан. Он приземлился в подлеске, считая, что так безопасней. Куница настойчиво его преследовала, рябчик сам себя загнал в ловушку, не смог взлететь в кустарнике и там был пойман.

Ещё одна такая же приткая и гармоничная попала навстречу. Они на пару изучали окрестности и так же суетливо странствовали по тайге, но неожиданно наткнулись на своего желтогрудого сородича. Уже втроём они прочёсывали тайгу, словно цепью. Сбившись в стаю, они делали больше, чем поодиночке. У белки не было шансов уйти

от погони. У барсука все пути к норе были перекрыты, а зайцу не помогла даже его прыгучесть. Харза была самой крупной и красивой в своем виде, и казалось, что троица осознала это.

Мускусный запах привлек одну из куниц. Она тщательно обследовала дерево, припадая носом к стволу, и трогала языком, пытаясь лизнуть кору. Этот запах делал невообразимые перемены в ней самой. Он волновал настолько, что участилось биение сердца, появился звон в ушах, её глаза налились кровью, словно перед ней разлилась лужа той самой крови и она явственно почувствовала её струйки во рту, будто кусала живую плоть, и силы жизни вливались через зубы по горлу в желудок и наполняли его сытостью. Она просто бешено искала глазами этот излучатель таинственного наваждения, что издала писк отчаяния. К этому месту устремились двое её сородичей. Они также обследовали дерево, их фыркание стало признаком возбуждения. Запах завораживал, манил и предполагал нелёгкую, но сытную добычу. Как ищейки, они взяли след и пошли по запаху. Преодолевать большие расстояния было в их природе, а главное — это было по силам. Они неслись напролом, как это можно представить, если азартные охотники чувствуют не только свою мощь, но и заблаговременный успех, не обращая внимания на отвлекающие знаки. Один доминирующий мускусный аромат вёл их к цели, подстегивая уродливые инстинкты.

Они обежали низину холма, просачиваясь сквозь частокол голых искривленных деревьев, проникли в дремучие заросли кустов, куда по доброй воле никогда бы не полезли. А здесь кто-то очень притягательный протаптывал путь, словно боялся открытых пространств, остерегался неожиданных встреч, сторонился речных берегов, но не забывал ощипывать кору прутков. Он так удачно пробивал дорогу в дебрях, что по его тропе неслись три куницы, толкаясь между собой в узких проходах и в то же время опережая друг друга; если одна вдруг сомневалась в правильном направлении и притормаживала, то другая по-братски бежала прямо по заливку напарницы. Это была даже не охота, а игра в догонялки, где ловкий и смекалистый становился обладателем заветного эликсира. Его пахучесть иногда ослабевала, но уже такое главенство можно было не принимать во внимание, потому что от копытцев оставался сопутствующий запах, а он точно вёл к добыче. Наконец, следы незнакомца вывели из зарослей на открытый участок, за которым начинался горный склон. Куницы растерялись. Следы пересекались между собой, словно по лесу кружил заяц. И хищники уже окончательно запутались в клубке запахов и потеряли направление. Только их превосходные хвосты взлетали в брызгах снега, а потом, как взрыв, поднималась жёлто-бурая шкурка. Они создавали переполох и суетились. Беспорядок сопровождался пискom жалости и лаем злости одновременно.

Именно суету преследователей со склона заметил маленький безрогий олень — сибирская кабарга. Он рванулся по редколесью, юркнул в орешник, стремительно его пересёк, сделал несколько огромных прыжков и прямо в полете поменял направление своего бега. Успев при этом глубоко втянуть воздух и отследить тылы. Из его верхней челюсти высовывались два длинных клыка, за что он получил прозвище «саблезубый олень». Но такой грозный вид совершенно не соответствовал образу жизни кабарги. Он предпочитал пастись в глухомани, где трудно продраться среди густых зарослей, где треск сучьев и веток предупреждает о приближении медведя или волка. От них «саблезубый олень» удирал, запутывая следы. Но его мускусный дух нравился не только крупным хищникам. Поэтому у него не было друзей среди дикой природы. Для длительной погони он был не приспособлен, ему не хватало сил. А сейчас за ним гнались настырные и выносливые звери.

«Саблезубый олень» рванулся к скалам, туда, где на кручах мог удержаться только он. Прежде чем встать на карниз, он успел заметить прыгающие хвосты куниц. Он пробирался, свешиваясь над пропастью. Карниз становился все уже. Олень добрался до его конца и виртуозно прыгнул на другой уступ, а потом ещё дальше. На скальном пятачке он остановился. Сюда даже проворным красавицам куницам невозможно было добраться. Они походили над пропастью, боязливо заглядывая вниз, но для лазанья по скалам они были не приспособлены. Словно потеряв мечту, они в той же суетливой манере обнюхали сырые камни и расплзлись по холму, выискивая новое занятие.

А маленький «саблезубый олень» остался на скале. Ветер задувал его высокие широкие уши. Здесь он отстаивался, пронизываемый ветром, и таким образом выживал. Но эти скалы были не только спасительным причалом. Из них вместе с сыростью выходила питательная соль. Её аккуратно слизывал кабарга, сохраняя равновесие. Он ещё был силен, чтобы побороться за себя. А сила его была лишь в том, чтобы вовремя ускользнуть от врага. Ветер выдувал слезу из его глаза, казалось, что он плакал, но это было не так. Он был одним из сыновей суровой земли и жил на ней тихо и внимательно.

А куницы, как ни в чём не бывало, оригинально покинули холм, скатываясь по

снежному откосу, как по горке. Они продолжали странствовать и подчищать тайгу, не брезгая падалью, тем более зимой, когда чья-то оставленная добыча была свежа. После изнурительной безрезультатной погони привлекли внимание остатки тушки косули. Куницы азартно с урчанием разрезали зубами тушку и растаскивали по кускам. Кое-что удалось спрятать, но одна из странниц наткнулась на леопарда. Он настиг куницу и примял к земле. Она хотела было схватить обидчика за лапу, но подставила загривок, и леопард первым зажал шею красавицы.

Остальные не стали испытывать судьбу и убежали прочь. Все-таки это была земля леопардов, и считаться с хозяином затерянных холмов было нужно. Леопард проталил обмякшее тело харзы и через несколько шагов бросил его. Он подошел к тушке косули, поддел её зубами, легко потрусил и так же легко запрыгнул на дерево вместе с добычей и пристроил её на крупной ветке у ствола.

Снова жизнь потекла размеренно. Достигшая точки благополучия, она казалась совершенной во всех смыслах и причиной благодушия для маленьких забияк, таковыми являлись пернатые, и для похитителей покрупнее, которых отпугивал ленивый рык. Леопард, сидя на дереве, широко зевнул и тут же растянулся, как это умел делать только он, находя опору в пространстве. Время сменило облик тайги. В массивах вечнозелёного кедровника и ельника гуляли проплешины голых лиственных бесстыдниц. Они прореживали доли и вынуждали хищника к заблаговременной осторожности и действию из засады. Иногда это приносило плоды. Какая-то внутренняя сила сдерживает прыжок, не дает рано выдать себя, ждёт до последнего. Виртуозность броска из засады дополняет мир красотой, делает его живым и меняющимся, а жертва запоздало вдруг понимает свой конец и цепенеет.

В той дали, где он никогда не был, кто-то до него, такие же неугомонные проделали исторический путь из неизвестных земель, пройдя пустыни, джунгли, пояса климатических зон, приспособляясь к месту и оставляя потомство, которое несло дальше таинственное семя жизни. Леопарды продвинулись на север, где укоренились и, кажется, приобрели особую черту, умение созерцать.

Он забрел на чужую территорию и углубился на неё. Это был осознанный шаг. Признаки существа, которое волновало, были размыты. Он искал встречи и сам оставлял метки. Верховой ветер донес запах чужака. Возможно, они почувствовали друг друга одновременно. Но он был уверен, что почуял раньше, поэтому повернул голову в нужную сторону.

Леопардесса шествовала осторожно, словно плыла по лесу. Она протяжно рыкнула без оскала и остановилась. Он спрыгнул с дерева и отошёл в противоположную сторону от гостыи. Та в свою очередь приблизилась к дереву и, встав на задние лапы, ловко стащила добычу на землю. Угощение было принято. Он лёг поодаль, так чтобы не мешать, и даже отвернулся, но только вполоборота. После трапезы леопардесса дёрнула передними лапами, словно мурашки пробежали по её шкуре. Она прошла мимо щедрого самца, задела его так, что её хвост проплыл у него под нижней челюстью у шеи, словно глядя снизу. Контакт был установлен.

Несколько дней они охотились вместе. И очень удачно. А по ночам тонкий кошачий плач отпугивал сов, они ухали и тяжело хлопали крыльями, резко меняя направление полета. Но вдруг в одно прекрасное утро леопардесса оскалилась всеми своими зубами, сердито и зло. После чего уверенно пошла одна вдоль русла замёрзшего ключа. Спутник ей был не нужен. Её желтоватая окраска с черными штрихами и пятнами накладывалась на тусклую палитру красок леса так, что делала шкуру незаметной. Словно призрак брёл, то исчезая, когда она замирала, а то неожиданно проявляя себя в движении. Это было открытием даже для самца. Он смотрел ей вслед, словно исполнил роль паж и теперь был оставлен за ненадобностью и из-за чрезмерной самовлюбленности.

Леопардесса уходила глубже в тайгу, где не было шумных разборок за территорию. Ей хотелось одного, чтобы её не трогали, она искала уединения, ещё не понимая странности своего необычного наваждения, и ради этого она шла, останавливаясь, где придётся. Один день она провела на большом плоском валуне, который на солнце казался немного теплее земли. Такая лёжка была необычайно приятной, словно кто-то живой и верный находился рядом. Иногда радовали запахи неопасных животных, их присутствие гарантировало сытость в будущем. Но и в настоящем нужно было жить. Подкрадываясь в своём осторожном стиле и делая стремительный рывок, всегда можно добыть косулю или кабаргу преследованием. С пятнистыми оленями немного сложнее, в их стаде нередко есть особо чуткий, но здесь главное осторожность и терпение.

На её пути встречались гроты, от которых веяло сыростью. Она только приближалась к ним. Тяжелый, спёртый, сырой воздух, как путь к болезням, парил рядом, выдавая господство слизняков и плесени. Укрытие годилось лишь на то, чтобы переждать непогоду.

Совсем другое впечатление произвел затерянный холм. В его внутренностях была пещера. В ней под выступающими слоями скальной породы были ниши. Влага, которая просачивалась через грунт, высыхала из-за продувки. Через другой лаз леопардесса попала наружу и спугнула стайку шумных колонков. Они, распушив хвосты, бросились к деревьям, попискивая. Очевидно, у холма они промышляли шишками. Леопардесса рыкнула, наводя страх на беглецов, и даже для острстки метнулась следом. Колонки продолжили бегство по верхнему ярусу, словно удирали от собственных хвостов. Леопардесса была удовлетворена и даже поскребла задними лапами землю, разбрасывая шишки. Но для своего рациона ей нужен был трофей посущественней. Она спустилась в распадок, где обычно в болотине прятались кабаны. Среди густых кустарников и прошлогодней осоки они находили сухую поляну и там дневали. Несколько кабаньих троп было проложено в лес к опавшим желудям и орехам. Даже под слоем дёрна кабаны чувствуют запахи плодов и клубни растений.

Леопардесса залегла поодаль. Из долины тянуло сырым холодом. Треснула ветка. Кто-то очень неосторожный шумел, словно не боялся выдать себя. Хищница насто-рожилась. Неясный силуэт пробирался через подлесок. В поле зрения появился лохматый, узколобый с выдающимися клыками секач-одиноц. Он принюхивался, шевеля пятакон, и сомкнул челюсти, его верхние и нижние клыки шаркнули друг о друга, словно ножи при заточке. Секач опустил рыло, обнюхал землю и пятакон разворошил грунт.

Добыча оказалась не по силе охотнице. Она крадучись покинула место засады и оставила грозного соперника. Теперь она уходила от запаха, который первоначально привлёк её. Нужно было искать другие подходы к доступным трофеям.

Ветер гулял по долине, но неизменно подбирался к гребню возвышенности. По запахам кошка читала многообразную жизнь низменности. Опять она пересекла новую кабанью тропу, где могла залечь, но последняя миграция стада была несколько дней назад. Разрытые ямки уже осыпались и утратили свежесть. Скорее всего, первогодки паслись не здесь, но для их поиска пришлось бы вернуться и пересечь путь секача. А это было недопустимо для безопасности. До кабанов в этом месте проходили олени. Они тёрлись о деревья, топтались и, наконец, двинулись по откосу, поглощая запахи неизвестного ареала. «Да, за ними крадётся сородич! — вспыхнула кошка. — Незнакомец отметил, словно прилепил клеймо на стадо копытных: «Моё!» Мастер преследования! Жмётся к гребню: высоко сию, далеко гляжу!»

«Мускус! — все взорвалось внутри леопардессы. — Саблезубая кроха» ищет встречи и тащит за собой всю тайгу. А что толку? Запах держится месяцами. Здесь он есть, но растаскивается на все четыре стороны. А где следующая метка?»

Неожиданно выше на горе возникла суета. Кошка вжалась на месте. Кто-то во-рошил валежник — прошлогоднюю лежку самки кабана. Лохматое существо с пышными бакенбардами и темными «очками» на мордочке искало живность. Его слегка раскосые глаза отдаленно напоминали лисьи. Енотовидная собака шла против ветра и должна была учуять хищника, но здесь доминировал мускусный запах. Он возбудил героизм и отбил разум. Собака семенила на коротких ножках вниз по склону, приближая свой конец. Леопардесса сжала челюсти от удовольствия и так стремительно бросилась к цели, что собака едва поджала хвост и только взвизгнула.

Трактора пахали край долины. За ними ехал культиватор, окончательно подготавливая ложе для посева. К сумеркам трактора собрались на выезде с поля. Трактористы сгруппировались вокруг бригадира.

— Завтра начнем у того холма, — распорядился бригадир.

— Там что?

— Рапс.

— А кукуруза где?

— За холмом, — махнул бригадир.

— В прошлом году кабаны все посева выели, — вспоминал тракторист. — «Чушка» прямо по борозде носом ведёт, а за ней отряд цепью. Вот чутьё! — удивился тракторист.

— Сейчас отпугивать кострами будем, — пояснял бригадир. — Пока зерно не прорастёт. Они проросшее не копают.

— Горькое, что ли?

— Вот ты и попробуешь!

Все засмеялись.

— Для себя стараемся, — подытожил бригадир.

— А разве не для леопардов?

— Кабаны на огороды пошли, а барсы за ними потянулись и собак потравили. А нам это надо? Вот мы теперь и тех, и этих здесь привадим.

— Должны приваждать! — согласился тракторист. — И картошка, и рапс, и кукуруза

за. Три поля для них делаем.

- Завтра культиватор под рапс надо настроить.
- На сколько? — уточнил другой тракторист.
- А ты у агронома спроси, а я проверю.
- Так мне полдня надо, он же без гидравлики.
- Вот к обеду и приезжай.
- Добро!

Трактористы разошлись по машинам.

Пещера оказалась хорошим домом для леопардессы. В тёмных кулуарах ближе к лету появились трое котят. Они сидели в темноте, но мать, словно чувствуя необходимость детей к свету, каждый день выносила их за шкурку к лазу, где они проводили время, ближе к вечеру все повторялось наоборот. Если что-то предвещало опасность, великое переселение котят из света во тьму и обратно происходило по несколько раз за день. Поводом могли служить вспугнутые вороны, которые с неистовым карканьем неслись сквозь кроны деревьев, беснуясь от страха или выдавая врага. Сильно досаждали куницы, им под силу было утащить малышей. Несмотря на кошачьи метки, ласки подбирались к холму, юркали в расщелины и вытаскивали оттуда ужей. Леопардесса отслеживала появления куниц и уже на чистой земле давила их или достигала на стволах как возможных врагов. Она защищала дом.

Благодаря куньей назойливости, малыши первый раз вкусили мясо в полуторамесячном возрасте. Мать распотрошила куницу, а котята осторожно слизывали кровавую суспензию и даже, растягивая тушку, мерялись между собой силой. Их желудки раздражились от новой еды, и они, толкаясь, принялись сосать мать. Не отпуская сосков, котята закемарили, словно опьянели от еды. Но как только мать шевельнулась, они плотнее подобрались к животу, налезая друг на друга. Наконец, сон сморил их, и они окончательно уgomонились. Мать была неподвижна, изредка перекидывая хвост из стороны в сторону. Она лежала около лаза. Перед ней была земля в шишках, поодаль кусты можжевельника и шиповника. Карликовые деревья чередовались с толстыми стволами кедра и сосны. Их кроны наводили тень.

Леопардесса чувствовала, что её организм хиреет и надо добыть что-то существенное, чтобы поддерживать рост детей. Но копытные обходят холм стороной. Прошло ещё несколько дней, прежде чем леопардесса отважилась на ночную вылазку. Она оставила свой выводок в пещере, а сама тронулась в путь. Она была голодна и решительна. Вниз по склону, прямо по долине, ещё один холм, новая долина. Наконец-то появились привлекательные запахи. Самки кабана натаскали валежника и устроили лежки прямо на холме в ямах и заглублениях. Там они отлеживались с поросятами. У основания холма пасся секач. Кошка заметила его и вернулась в лес, предполагая обойти сторожа. Но на другом направлении уже новый секач был на страже горы. Кошка оценила противников и пошла обратно. Силы были не в её пользу. Она умела взвешенно принимать решения.

Кошка торопилась. И пришла вовремя. Котята расплзлись. Она осмотрела их, словно сосчитала, собрала в кучу и облизала каждого. Потом осторожно легла рядом и сама придвинулась к котяткам. Им оставалось только поудобнее притулиться к матери. Она была угнетена, словно не отработала свой долг. Тени от деревьев продолжали круговорот по холму, оттесняя друг друга. Котята были заняты любимым занятием: переползали через спину матери, тербели её соски, покусывая. Но раздражённые голодом, бросали пустышку, ища замену, и жалостливо, настойчиво мяукали. Леопардесса ответила на жалобы детей, облизав каждого. Новая ночь приползала с большими тенями и ясным звездным небом.

Опять та же дорога закончилась встречей с секачом. Но леопардесса отошла в сторону, где сырой воздух был тяжел. В низине она затаилась. Ручей был мелководен, а потому не шумлив и неподвижен, или таким казался. Он присвоил себе звездную дорогу, оторочил её острой осокой, словно заманивал гостей. Радушный и жизнерадостный в блестках света днём, сейчас он казался основательным и твёрдым и тягася с луной в вечности. Кошка даже попробовала его воды очень осторожно, неохотно лакая и едва морщина вечную поверхность. После чего залегла у кустов лимонника, подражая валуну.

Ночная жизнь из засады была так же насыщена событиями, как днём. Нервные тени летучих мышей дёргались над водой, словно бесшумные птицы ловили насекомых. Совы с шуршанием проносились где-то в глубине леса, то ли хватая крылатую мышь, то ли припечатывая серого лемминга. Ночные бабочки почему-то кружили рядом и пытались сесть на влажный нос кошки. Та отгоняла непосед струей воздуха через нос или облизывалась. Стая кабанов одногодок неторопливо двигалась вдоль ключа, вынюхивая по берегам какие-то диковинные клубни. Чтобы достать их, прихо-

дилось топтаться в воде, но результатом поиска становилось сладковатое корневище со слизнями и прилипшими пиявками. Кабаны с упоением, с треском в ушах поедали находку, переламывая и отвергая горький стебель. Жуя, они держали нос по ветру и похрюкивали, то ли от удовольствия, то ли освобождая пятак для нового контакта с миром. Его кабаны воспринимали по запахам.

Цель для кошки стала ясна. Добыча сама шла навстречу. Кошка вжалась на месте. Сквозь кусты, прутья, ветки она видела ровно столько, сколько нужно было для атаки. Кабан даже не почувствовал её рывка, а только когда на его загривок опустились лапы, он дёрнулся и завизжал, но хрящи панциря уже треснули в пасти хищника. Он опрокинул добычу и достал до горла. С какой-то невероятной легкостью и прытью кошка потащила трофей по воде, словно боялась появления сверхсилы, способной отнять добытое. Но ключ вёл от дома, поэтому пришлось выбраться на берег и уже по суше идти дальше. На полпути она остановилась и принялась есть. Потом снова направилась к дому, волоча богатый трофей. Все было сделано до рассвета. Возбуждённая, она зашла в своё логово налегке. Котят ткнулись в брюшко матери. Чувство, которое вдруг овладело ею, было сильнее охотничьего азарта, оно стояло даже выше переживания от вкуса крови свежей жертвы. Это была жажда любви, восторг от тайги и от самого существования на холме.

Днем она повела свой выводок на прогулку. Котята достигли возраста, когда могли осмысленно передвигаться следом. Леопардесса спугнула чёрных грифов и стащила с дерева кабанью тушку. Большие чёрные птицы могли определять поживу на огромных расстояниях. Но теперь пришла очередь обеда малышей. Самый смелый начал кусать мясо и урчать. Остальные поодаль наблюдали. Когда он насытился, то отошел. Настала очередь другого. После трапезы малыши начали играть вокруг матери, гоняясь друг за другом. Она продолжала лежать, как памятник, как сфинкс, словно игры её не касались. Несколько дней они провели около добычи, а потом вернулись к своему логову. Как всегда здесь царил дремотное спокойствие, словно сфера оберегала холм от врагов. Мать уходила в ночь на охоту и возвращалась добытчицей. Она работала как заведенный механизм, подчиняя себя служению детям.

Юркая вездесущая красавица харза пронизывала тайгу вдоль и поперёк. Она могла укрыться на дереве, она могла плавать, она могла завалить маленького оленя кабаргу или косулю, она могла разграбить муравейник и стать сытой. Она могла задрать енота или лисицу в собственной норе. Она находила мышиный выводок под пнем и добиралась до него, разрывая землю. Она так же хорошо чувствовала сильного зверя и пряталась от него в расщелине, на высоте или просто обходила опасный участок, проскальзывая у земли с прижатым хвостом.

В эту ночь она тоже многое понимала, но любопытство брало вверх. Холм был обитаем. Им владел сильный соперник. Но столько много было на холме подходящих кулуаров с расщелинами для схрона, что соблазн обследовать холм был очень велик. Тем более, явного присутствия хозяина куница не чувствовала. Она юркнула внутрь пещеры, пробежала вдоль стены, заглядывая под выпирающие карстовые слои, вылезла наружу с другой стороны, встретив ночную тишину, и снова вернулась, но уже по другой стороне. В кулуаре сидел котенок, не двигаясь. Единственной защитой было для него не выдать себя. Куница молниеносно схватила его загривок. Шейка котенка хрустнула, и он обмяк. Ещё пара глаз светилась в темноте, но кунице было не до них. Она выбежала с легкой добычей наружу и помчалась подалее от холма.

В это утро леопардесса недосчиталась своего сыночка. Только одна капелька крови осталась на камне. Мать нашла её и втянула ноздрями пещерный воздух, словно проверяя свою догадку. Двое котят смотрели на неё виновато, то поднимая, то опуская головки, словно кивали и извинялись. По привычке, она вывела своих котят из пещеры. Было пасмурно, но морось оставалась где-то сверху на кронах деревьев, а на земле было сухо. Непогода только собиралась с силами, но их хватало только на то, чтоб едва нахмурить небо и освежить воздух. Снова мать повела семью уже к новой добыче. Теперь это была косуля. Новое существо показалось большим, и как к нему приступить, было непонятно. Мать легла поодаль, и казалось, что без интереса наблюдает за попытками молодняка прокусить шкуру добычи. Наконец, первый нашёл прорыв и догадался подлезть под шкуру. Голова его была полностью скрыта, и он выедал мясо изнутри. Вскоре насытившись, он уступил место другому котёнку.

Жизнь наладилась и пошла своим чередом. Но после трапезы мать встала и, непонятно каким сигналом, позвала первого к туше. Он подошёл. Мать вытянула шею. Что ей было нужно? Котёнок ткнулся в спину добычи и покосился на мать. Ей это не понравилось. Тогда он ухватил шею косули. Мать словно обмякла и переступила передними лапами. Она была удовлетворена. Котёнок отошёл. Явился второй. Мать так же вытянулась вперед. Но её явно не понимали. Котёнок топтался на месте, то обо-

рачивался, то делал шаг в сторону, словно пытался уйти; но то ли строгий взгляд, то ли шик настойчивой учительницы сдерживали его. Он обнюхивал добычу, надкусывал её, словно гадал или искал правильное действие. Наконец он тоже прикусил шею косули, то ли случайно, то ли по разумению, и мать снова, едва переступая лапами, потеряла строгость. Котёнок торопливо перешёл по телу косули подальше и принялся искать своего более сообразительного брата. Так был дан первый навык охоты.

Ночь они снова провели в пещере. Под утро мать самостоятельно пришла к добыче. Чужой запах был всюду. Кто-то очень сильный был здесь и отъел кусок мяса. Леопардесса быстро вернулась к дому. И не зря. Белогрудый медведь рыскал поблизости. Он был всеяден и любопытен. За сегодняшний день он перевернул пенёк, найдя чудесный муравейник, и осторожно языком выбрал из рухляди муравьиные яйца. Потом ловко забрался на кедр и там, обламывая ветки и подсовывая их под себя, словно огромная птица, мастерил гнездо. Но это было не самоцелью — он пробовал шишки. Даже их молочная спелость была приятна на вкус. Потом он стремительно соскочнул по стволу и, не дожидаясь земли, прыгнул с высоты. Побуянив в кустах шиповника, он вернулся к падальной добыче и подкрепился мясом. После чего снова пошёл на поиски растительных закусок, иногда переворачивая подозрительные камни и заглядывая на их отпечаток. Так ему удалось выудить из-под плоского камня ужа. Побродив по лесу, «белогрудка» снова возвратилась к мясному деликатесу. На данный этап странствий туша косули стала центром его притяжения. Он наложил лапу на чужую добычу и готов был защищать и драться за неё со всем миром, но только не с тигром. Чёрный гималайский медведь был плохим бегуном, но отлично лазил по деревьям. Можно смело предположить, что он половину своей жизни проводил на деревьях, залезая по гладкому стволу пихты на самую макушку. Там он мог сидеть вечно и так спасался от тигра.

Семья леопардессы торопливо покинула пещеру, меняя район обитания. Когда есть ответственность за тех, кто дорог, лучше не встречаться с чёрным медведем. Малыши уже подросли и могли странствовать вместе с матерью. Она сосредоточенно шла навстречу ветру, распутывая клубок запахов и выбирая безопасное направление. На сей раз охотничий маршруту, где она выудила у реки кабанчика, был знаком. Она даже различала собственные метки, не затёртые другим зверем. Лезть в зону секачей было опасно. Леопардесса повернула к новому холму. Здесь царствовал дух растительности. К полудню стало жарко. Камни нагрелись. Леопардесса запрыгнула на один из них и, проделав ритуальный круг, легла. По её следу один за другим появились котята. Второй наскочил с поднятыми лапами на первого. Но тот не принял приглашение к игре, вскарабкался на камень и лёг к матери. Второй ещё какое-то время проявлял бодрость, ударил лапкой по можжевельнику, спугнув ящерицу. Обошел камень и, не найдя занятия, тоже устроился у больших, сильных лап. Семья задремала.

Чёрный медведь был оставлен где-то далеко. И не представлял опасности. Теперь он будет бродить около трофея, пока не изглодает все кости. Леопардесса, фильтруя запахи, специально выбирала путь в нехоженные места. Даже безопасный зверёк для неё, которым она снисходительно брезгует, может принести вред котяткам. И лисы, и барсуки, и стремительные куницы — все эти обитатели леса могут разорить и обескровить семью. Нужно всё время ощущать свой тыл затылком, хвостом, спинным мозгом, лишь бы избежать неоправданных потерь.

Вечером леопардесса поднялась с лёжки, потянулась, и вновь странствие стало целью её успеха. Неторопливость вселяла уверенность не только котяткам, но даже ей самой. Словно она давала себе установку на успех. Всю ночь она шла, прислушиваясь к шорохам леса, втягивая воздух, словно разговаривая с ним и спрашивая совета. Её маленькие уши постоянно двигались и даже умудрялись повернуться назад, ловя передвижения за спиной. Котята были так же тихи и осторожны, но бесчувственны. Мать слышала мир леса за их спинами и, если он внушал спокойствие, шла вперёд. Иногда она чуяла добычу и пыталась преследовать её. Но в какой-то момент жертва начинала понимать неусыпный контроль хищника и удирала прочь. Движение охотника часто вело к неудаче. Ночью у всех обостряются чувства, а когда ты ответственна не только за себя, то преследование откладывалось на неопределенный срок. Хорошо проявлять добродетель на сытый желудок. Но когда позывы к еде сильнее разума, начинает довлеть инстинкт. И уже он чертит границу выживания.

Несколько дней и ночных прогулок не дали результатов. Леопардесса изменила тактику и залегла в засаде. Котята научились понимать происходящее и устроились в кулуарах зарослей, а охотница просто легла у кустов. Первым ночным вестником стала то ли ласка, то ли белка. Она пересекла поляну, высоко подпрыгивая, распушив хвост. Поодаль проследовал дикобраз, производя много шума, фыркая. Охотница даже привстала и сделала несколько шагов, сопровождая неприступного зверя. Он, не сбавляя ритма ходьбы, только растопырил невообразимые иголки. И леопардесса

вернулась. Две пары светящихся глаз наблюдали в кустах. Котятта впитывали уроки познания.

Подслеповатый секач увлеченно водил пятак по земле, он не замечал хищницу. Внушительные размеры кабана не позволяли леопардессе рисковать. Она продолжала лежать на месте, но все четыре лапы напряглись. Она была готова отпрыгнуть. Секач дернулся первым, скакнув вбок, не забывая выставить белые клыки, похожие на два серпа. Кошка порывисто отступила на несколько шагов, и секач ретировался, торопливо семеня. Обоим бесцельная битва была не нужна. Многообразие жизни на лунной поляне закончилось ничем. Но леопарды были готовы к многодневному голоду и снова терпеливо создавали случай.

День за днём котятта открывали для себя новые места, словно были рождены для прогулок. Они шли за матерью, но не точно по её следам, а немного в стороне. Пренебрегая проторенной тропой родительницы, они умели вносить индивидуальность в маршрут. Обязательно влезали на камень, если мать обходила его. Заскакивали на упавшее дерево и шли по его стволу, лавируя между длинных веток и суков. Хотя мать обогнула его. Если леопардесса шла под скалой, они каким-то чудом оказывались над ней и наблюдали свысока, порою не зная, как спуститься.

В одну из днёвок леопардесса устроила лёжку в зарослях лимонника. Котятта лениво подталкивали друг друга, иногда пытаясь задействовать мать в свою потасовку, но та равнодушно переносила их нападки. Вдруг она сосредоточилась и устремила взгляд через заслон веток. Котятта заметили её новое состояние и уже так же внимательно следили за ней, словно понимали, что она учуяла что-то важное за стеной растительности в глубине леса. Леопардесса, втягивая воздух, поднялась и осторожно сделала первый шаг. Нагнулась и проползла под толстой веткой. Так же грациозно изогнулся под веткой её хвост, словно был отдельной одухотворенной материей. Он завис между прутьев. Следом затаились котятта. Они подражали охотнице, так же упруго ставили лапы, так же замирали и держали вдумчивую паузу. А перед ними хвост то бросался вперед, то стелился над травой и зависал, а то подрагивал. Наконец, он взлетел под кроны деревьев и упорхнул, как неуловимая птица. Там в глубине леса произошло что-то опасное, в чём они участвовать не могли, поэтому остановились, ожидая развязки. Мать тащила в пасти тушу косули. Трофей был больше самой охотницы. Так велика была победа.

Несколько дней они могли жить, не заботясь о еде. За терпеливый поиск добычи наградой стали беспечные дни. Но это был дикий лес. Если ты идешь по чьему-то следу, то кто-то другой может красться позади, чтобы урвать кусочек у хозяина. Запах еды притягивал всех.

Грифы прилетели первыми. Почему? Откуда эти неуклюжие и большие птицы могут знать о том, чем поживился охотник? В этой стране холмов, покрытых зарослями, вечно широкого неба, ручьев и трав, вращалась карусель дикой жизни — рай для животных. Здесь они были самими собой, потому что природа щедро рассыпала дары и разрешала всем пользоваться ими. Но кроме дикой природы есть человек. Он вовремя заметил сокращение ареала обитания леопардов и сделал шаг в нужном направлении. Возможно, такой шаг обогатит край и поможет выжить там, где нужно процветать.

На далекой заимке двое рабочих выгоняли из калды оленят.

— Так они сюда вернутся, — предположил один.

— Ничего. Мы их поить не будем, так они один-два раза придут и разбегутся, — он поднял руки и крикнул: — Ну, пошли, красивые, ну, пошли, голубчики.

Животные торопливо выходили наружу. Разошлись на поляне, напряженно вглядываясь по сторонам. Кое-кто уже нырнул в зелёную поросль подлеска и теребил ветки. Для них открылась новая страница жизни.